

УДК 801.631.5

И.М. ГАДЖИЕВА,
*кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры азербайджанской литературы
Азербайджанского университета языков (г. Баку)*

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ В МЕСНЕВИ «ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН» НИЗАМИ И ЧАКЕРИ

Начиная с XIII века, писать подражания Хамсе Низами стало традицией, испытанием для поэтов и писателей не только в азербайджанской, но и во всей восточной литературе. Некоторые из них писали пять произведений, некоторые – семь, как бы состязаясь между собой. В этом состязании каждый стремился создать более совершенное произведение, нежели «Пянджи-Гяндж», созданный великим Низами. Месневи «Лейли и Меджнун» написан в XIX в. Мирза Гусейнбеком Чакером как очередной и, видимо, последний фрагментарный месневи-ответ на «Хамсе» Низами. Выявлено сходство и различие между образцами месневи у указанного автора и «Лейли и Меджнун» Низами. Наряду с Чакером на эту тему в азербайджанской литературе XIX века писали также А. Гараджадаги, М.И. Накям, М. Насир.

Ключевые слова: Хамсе, Мирза Гусейнбек Чакер, Низами, месневи, «Лейли и Меджнун».

Одним из тех, кто стремился к этому, был видный поэт XIX в. Мирза Гусейнбек Чакер. Он является воспитанником литературной среды Карабаха XIX в., характеризовавшегося высоким профессиональным уровнем и постоянным стремлением к новизне. Гаджи Мирза Гусейнбек, сын Мирза Керимбека, родился в 1863 г. в Шуше в семье знатного купца. Происходила их семья от рода Гаджылы Джаваншир-Дызаковского магала [4, с. 238]. Его отец Мирза Гаджи Керимага, будучи человеком знатного происхождения, пользовался уважением и популярностью среди высшей знати Карабаха. Особое внимание уделялось воспитанию и обучению молодых членов семьи. В семье, помимо Мирзы Гусейна, было еще две дочери и сын, которого звали Гаджи Мамед. Начальное образование он получил с помощью отца, впоследствии продолжил свое образование в медресе. Здесь он в совершенстве выучил персидский и арабский языки, познакомился с произведениями видных творцов поэзии и прозы Востока, классиков, таких, как Фирдовси, Низами, Саади, Навои, Физули и т. д. Все это привело к тому, что он серьезно увлекся поэзией, искусством. Первые сведения о творчестве Чакера мы получили от Мир Мовсум Навваба. В произведении «Тезкиреи-Навваб» он пишет следующее: «Мирза Гусейнбек Чакер происхождением из Куртлар Махал, из Карабахской Шуши. Ему около 30 лет, профессиональный купец. Чакер – его поэтическое прозвище» [10, с. 450].

О жизни и творчестве Чакера сведений больше нет; по крайней мере, в других описаниях (тезкире) никакой информации не предоставляется. Лишь в некоторых сборниках (джунги) можно повстречать его стихи. Нам повстречались воспоминания Зейнала Тагизаде («Горизонты жизни»), кроме того, есть еще ряд книг нескольких авторов, где имеются упоминания о Чакере; это книга Анвера Чингизоглу «Гаджилылар» [4, с. 238], «Образование в Карабахе» [5, с. 288], Эльдара Азизова «Карабахский меджлис единства в 1906–1908 годы» [7, с. 9], книга Маарифа Теймура «Еще раз о Хилале Мунши» [9, с. 4]. Следует особо отметить интервью представителя рода Муншизаде проф. Мины ханум Муншиевой о жизни и творчестве поэта, которое позволили раскрыть здесь некоторые неизвестные моменты.

Ближе к концу своей жизни поэт вместе с семьей переехал в Баку, где и умер в 1932 году. После его смерти некоторые из его работ были утрачены, некоторые сохранились в различных сборниках, сохранились копии и рукописные фрагменты. Это гите, газели, мухаммас, теркибенд, тарджибенд на азербайджанском и персидском языках, переводы с других языков различных рассказов и поэмы «Лейли и Меджнун».

В творчестве поэта поэма Низами «Лейли и Меджнун» занимает особое место. Еще в XIX в. наряду с Чакером, Исмаил-бей Накям, Энделиб Гараджадаги, Мустафа Ага Насир писали подражания на «Хамсе» Низами, которое считается сокровищницей поэтического слова. Так, Накям, так же, как и Низами, собирался написать три месневи, т. е. ему удалось ответить подражанием. Энделиб Гараджадаги написал небольшую автобиографического характера поэму «Гиссеи-Лейли и Меджнун», тем самым продолжил традицию подражания великому Низами.

Насер Мустафа Ага, как и другие выдающиеся художники XIX в., написал ответ на месневи «Хосров и Ширин». Проведенные исследования о жизни и творчестве поэта свидетельствуют о том, что Мирза Гусейнбек Чакер написал ответный месневи на поэму Низами «Лейли и Меджнун». Основная цель в написании этого произведения заключается в написании стихов в стиле месневи. Почему «Лейли и Меджнун»? Потому что «Лейли и Меджнун» пятикнижная «Хамса» более популярна и любима, нежели другие стихи, и потому на эту поэму писалось множество подражаний. Легендарную тему любви в подобной манере впервые привнес в литературу именно Низами.

Видный исследователь восточной литературной традиции, турецкий литературовед А.С. Левенд причину популярности этого произведения видит в трагическом финале произведения, в неизбывной любви [8, с. 8]. Н. Араслы также подчеркивает, что «проблема свободы любви, поставленная в поэме «Лейли и Меджнун», сыграла большую роль в увековечивании ее, сделала ее бессмертной» [1, с. 104].

Время написания произведения не известно, но в соответствии с пометкой на страницах рукописи можно предположить, что работа написана в период с 1910 по 1920 гг. Работа состоит из 62 страниц и хранится в Институте рукописей (шифр В-201). Поэма, написанная на азербайджанском языке, не завершена.

Произведение написано под влиянием Низами. Кроме того, в некоторых разделах можно встретить отрывки, схожие с произведением «Лейла и Меджнун» Физули и Джалили. В отличие от классических стихов можно встретить и традиционные заголовки. С подобными явлениями можно столкнуться и в произведении А. Гараджадаги «Гиссеи-Лейли и Меджнун». Сходство в том, что Чакер вслед за своими предшественниками написал поэму в стиле аруз, варианте гаджаз. Поэма Чакера в объеме очень мала по сравнению с произведением Низами. «Лейли и Меджнун» Чакера состоит из 1607 строк, из которых 44 строки написаны в стиле газель, 32 строки же написаны в стиле мурабба. Обычно в произведениях, написанных как подражание, т.е. назире, в предисловии упоминаются имена мастеров слова, тех, кого называют своим учителем, стремясь обосновать выбор темы и содержание произведения.

Однако в «Лейли и Меджнун» Чакера мы с этой особенностью не встречаемся. Чакер не упоминает имя Низами и его видных подражателей, таких как Хагиги, Навои, Джалили, Физули и других мастеров слова. Во введении, озаглавленном «Причина написания», об этом ничего не говорится. Чакер не использует такие традиционные зачины, как нет, минаджат, сагинаме и др. Во введении «Эввели-дастан», т. е. «Начало повествования» он непосредственно говорит о событиях, завязке драмы. Подобное отношение к традиции можно охарактеризовать как особенность творческого подхода автора к написанию произведения. Поэма начинается с описания древности событий произведения «Лейли и Меджнун», восходящих к различным сказаниям и легендам:

История предания уходит в древность и легенды,
Так начинается повествование се.

Затем Чакер переходит к восхвалению главы племени Амири, отца Меджнуна, его величия и славы:

Было племя у арабов великое,
И род их славным, знатным был,
И звали племя это Амири
Все подчинялись законам Амири.

Отец Меджнуна был богат, как Гарун-ар-Рашид, однако наследника у него не было, и он от этого очень страдал, постоянно просил милости у Бога, раздавал милостыню бедным и призрелым. День и ночь он молил о милости божьей, чтобы высшие силы даровали ему сына. Всевышний, наконец, сжалился над ним, увидел его щедрые дарования людям и даровал ему, наконец, сына. Радости родителей не было предела. Глава рода Амири, собрав старейшин, провел церемонию наименования сына и нарек сына именем Гейс.

Прошла неделя, как родился сын,
Собрав вокруг себя родных и близких.
Дал мальчику он имя «Гейс»,
И имя было принято с любовью.

Когда Гейс подрос и достиг возраста семи лет, отец отдал его в школу. Вместе с ним учились мальчики и девочки из других племен и родов. Среди них выделялась своей красотой девочка из соседнего племени по имени Лейли. Она привлекла внимание Гейса. Лейли тоже не осталась равнодушной к Гейсу. В то время, как другие дети учили уроки, Гейс проходил уроки любви:

В то время, когда сверстники учились наукам,
Лейли и Гейс учились быть счастливыми.

Постепенно симпатия переросла в страстную любовь. Как они ни пытались скрывать свои чувства от окружающих, все это было видно невооруженным взглядом. В конце концов, эта страсть стала настоящим сказанием о любви, которое переходило из уст в уста. В итоге Гейса все стали звать Меджнуном, что означало «безумный», имеется в виду его страсть к Лейли, от которой он буквально обезумел:

Любимый с любимой стал единым целым,
Как стало явным, все сразу осложнилось.
Узнали все вокруг о страстной их любви.
И отовсюду сыпались упреки,
Но трудно побороть привязанность в любви,
Которая их имена прославила навеки.

Последующие главы носят названия «Признание Лейли и Меджнуна в любви друг другу», «Переживания Меджнуна от любви к Лейли», «Свидание Меджнуна с Лейли», «Сватовство отца Меджнуна к Лейли», «Любовные страдания и тоска Меджнуна по Лейли», «Поиски Меджнуна его отцом», «Сватовство Ибн-Салама к Лейли», и др. Одной из интересных глав поэмы является глава под названием «Поездка Меджнуна в Каабу». Чакер в этом разделе приводит стихи «Молитва Меджнуна в Каабе». Подобного дискурса в поэме Низами нет:

Меджнун в Каабе молит и стенает,
И исповедуется пред господом своим.
О боже, эта скорбь любовная не прихоть, нет,
Пришел к дверям господним я со скорбным сердцем.
Пришел, о Боже, я в Каабу, скорбь излить свою,
И помолиться, водами Зам-Зам реки умывшись.
Во имя преданной Лейли молюсь бессменно,
Ведь все, кто любит, о любви своей зывают неустанно.

Мурebbe «Молитва Меджнуна в Каабе» в художественном отношении является одним из лучших мест в поэме. Как и другие «Меджнуны», Меджнун Чакера в Каабе просит бога не освободить его от этой «злосчастной любви», наоборот, просит не лишать его

этой любви даже на мгновение. Страдальческие стенания Меджнуна у подножия Каабы, его мольба о неизбывных чувствах к Лейли, молитвы говорят о том, что он упорен в своих стремлениях, не свернет со своего пути, не избавится от любовных страданий, от любовной горячки.

«Лейли» Чакера, как женский образ, во многом обладает более выразительными характеристиками и чертами, нежели «Лейли» Низами. Это можно видеть по зарисовке сцены выдачи замуж Лейли за Ибн Салама. По решению семьи, Лейли сосватали за Ибн Салама против ее воли. В день свадьбы Лейли, дав пощечину Ибн Саламу, заявила, что ее сердце принадлежит Меджнуну, и она любит его. Об этом она заявила достаточно бесстрашно. Подобного решительного шага мы не видим ни в образе Лейли Низами, ни у его подражателей. Именно по таким моментам можно сказать, что Чакер при создании этого месневи не довольствовался лишь анализом творчества Низами, но и ознакомился со всеми литературными персонажами, созданными последователями Низами. Возможно, что нижеуказанный мотив он перенял у Севдаи, его произведения «Лейли и Меджнун»:

Дала пощечину Лейли, его ударив по лицу,
В глазах сверкнули искры гнева.
Меджнуну навсегда отдала сердце я,
В пустыне он как птица без крыла.
Лейли поклялась навсегда быть с ним,
И отвернулась от того, кто не по сердцу ей.

А вот строки из произведения Севдаи «Лейли и Меджнун»:

Меджнун страдает от тоски любовной,
И нет любимой рядом с ним подруги.
Душой и сердцем предан я тебе,
И нет другого в мысли у меня, поверь [8, с. 218].

Между «Лейли и Меджнун»ом Чакера и произведением с этим же названием Гамидзаде Джалили есть некоторое сходство, как в содержании, так и в использовании некоторых выразительных средств:

У Джалили:

Лейли как цветок, раскрывшийся в саду,
А для Меджнуна сад весенний как темница.
Лейли, как цвет садовый, ждет любви простой,
Меджнун же, как колючка, ждет жертвы своей.
Лейли – цветок, что озаряет сад,
Меджнун, как мак, стал красным от сердечной боли.
[8, с. 207].

У Чакера:

Лицо Лейли прекрасно, как заря,
Меджнун же, как свеча без подсвечника.
Лейли, как первоцвет сирени неувядающей,
Меджнун как птица – черногрудка.
Лейли цветы сажала в цветнике,
Меджнун искал в смятенье тот цветник.
Хоть выросли цветы Лейли, они прекрасны,
Меджнун смотрел на них и мимо проходил.

В каждом из приведенных отрывков можно встретить множество метафорических выражений, есть сходство в рифмовке строф. Художественное изображение и средства выразительности в месневи достигаются при помощи различных поэтических выражений, которые в каком-то отношении имеют сходство между собой. Чакер воспользовался богатством поэтического выражения Джалили, которое он применил в своем варианте «Лейли и Меджнун». Все это способствовало усилению выразительности поэмы, ее художествен-

ной ценности. Поэт очень выразительно и убедительно показывает страдания возлюбленных, биение сердец, которые не могут перенести разлуку, мастерски показывая это в своей сюжетной линии.

Одним из основных отличий произведения Чакера от поэмы «Лейли и Меджнун» Низами является включение им в стихотворный текст газелей. Это же, в свою очередь, подтверждает тот факт, что Чакер использовал также и сюжет, и композицию «Лейли и Меджнуна» Физули. Поэт стремился через использование этого поэтического приема усилить звучание, эмоциональную напряженность, выразить внутренний мир героев. Об этом исследователи пишут, что «поскольку газели являются эмоциональным образцом выражения чувств и настроений, то здесь поэт в синтезированной форме стремится отразить в определенных чертах героев произведения его основную суть» [3, с. 11]. В целом газели явились хорошим средством для выражения лирического «Я»:

Вы говорите: брось Лейли, другой отдай сердечные слова,
Но не могу ее оставить, пусть на сто разорвут частей.
Душа моя скорбит, и нет лекарства от печали
Нет способа помочь мне, кроме как через нее.
В пустыню вы безумца отпустите, к зверям,
То горем с ними он поделится он, то горам все расскажет.

Эта газель звучит как протест против попытки родственников и племени Меджнуна отдалить его от любимой Лейли. Через разговор с дикими зверями, с природой он критикует общественные отношения, в которых он находится. Гейс стремится объяснить людям, которые не понимают всей его безумной влюбленности, свое состояние:

Мне не нужны слова, помимо слова «Лейли»,
Скажи Лейли, пускай найдет лекарство от болезни.
Душа моя свила гнездо в обличии Лейли,
Она разрушится, когда дыханье ветра локон ее тронет.
И я, Чакер, в тоске от горя несчастного Гейса,
В пустыне бродит он в тоске, бродягой стал из самородка.

Как видно из вышеизложенного, лирический герой поэта, очарованный локонами возлюбленной, стал заключенным темницы ее чар. Он ревнует даже к ветру, треплющему ее волосы. Он жалуется, что дом его души превратился в развалины из-за неутоленной страсти и любви. Душа его в цепях из волос любимой. Он просит сжалиться над ним, дать лекарство от этой любви.

Одной из привлекательных газелей по своей поэтичности является газель «Стенания Меджнуна». Когда Меджнун узнал о том, что Лейли отдают замуж за Ибн Салама, то он взывает к небесам, жалуясь на времена, нравы, общество, на то, что его возлюбленную насильно отдают замуж за богатство, продают за деньги. Эта газель, написанная в XIX в., свидетельствует о многих несчастных девушек, которые похоронили в своей душе заветные же желания и мечты, выйдя замуж за нелюбимого человека:

Вложили насильно длань ее в руку ревнивца,
Быть может, это сказка, что цветок попал не в цветник?
Судьба меня сломила, а дом мечтаний развалился,
Но кто ж отдал любимую в чужие руки?

В поэме Низами мать Лейли, прослышав о несчастной любви Гейса, пригласила его к себе и читала ему наставления. В XIX в. один из подражателей низами Накям в своей версии «Лейли и Меджнун» показывает, как мать Лейли, боясь огласки, приглашает подруг дочери к себе, чтобы они переубедили Лейли в ее привязанности к Гейсу. У Чакера же этой сцены нет. Образ матери Лейли используется лишь при сочетании браком с Ибн Саламом, в сцене переговоров матери с отцом о создавшейся ситуации. В целом образа матери здесь нет.

В поэме Низами «Лейли и Меджнун» кто-то из племени, к которому принадлежит Лейли, приходит с жалобой к отцу Лейли о том, что ему надоело слушать газели Меджнуна

о своей любви, которые он читал Лейли, причем делал это в виде жалоб и стенаний. Отец Лейли очень разгневался и повелел его наказать. Эта сцена раскрывается в главе поэмы, озаглавленной «Поиски Меджнуна его отцом». Отличие в поэтическом описании заключается в том, что в поэме Низами «Лейли и Меджнун» отец Гейса уговаривает отойти от этого безумного дела, поскольку это может закончиться его смертью, даже хитростью он вернул его домой, сказав, что Лейли его здесь ждет. В «Лейли и Меджнун» Чакера отец Меджнуна не придумывает никакой небылицы, просто предлагает выбросить все это из головы, перестать скитаться по полям и пустыне, вернуться, как и его сверстники, к нормальной жизни, чем-нибудь заняться, и т. д., тем самым не идти к верной гибели. Меджнун здесь однозначно отвечает отцу «нет» следующим образом:

Мне выпала любовь большая, счастлив я,
Судьба распорядилась так, того не миновать.
Я верен избранной судьбе любить и быть любимым,
И очень счастлив, что люблю Лейли.

Чакер, таким образом, убрал некоторые образы, которые тем не менее есть в произведении Низами «Лейли и Меджнун». К примеру, нет образов дяди Меджнуна Селима Амири, Селама Багдадского, Зейда, Зейнеб, старухи, и т. д. Нет и, соответственно, эпизодов с их участием. Нет также эпизодов о встрече Меджнуна с маралами и газелями и их освобождении. Оставлен лишь эпизод о встрече Меджнуна с вороном.

Относительно сравнительного анализа с поэмой Низами «Лейли и Меджнун» можно сказать, что в «Лейли и Меджнун» Чакера связка между отдельными главами относительно слабая, в некоторых же случаях эта связь полностью отсутствует. К примеру, после эпизода о том, как выдали Лейли замуж за Ибн Салама идет газель «Стенания Меджнуна», а затем – «Разговор с вороном». Вслед за этим без видимой связи идет раздел «Касид Лейли для Меджнуна» (касид – форма написания стиха).

Здесь нет, к примеру, эпизодов «Приход отца Меджнуна к нему в пустыню», «Прощание отца с сыном и смерть отца», «Жалобы Меджнуна звездам». В поэме Низами «Лейли и Меджнун» можно поэтапно проследить, как во имя любви Гейс даже отрекается от отца, стремясь достичь своей совершенной, небесной любви. Разумеется, проследить в таком случае весь путь Меджнуна на пути к любовному безумию несколько трудно. Короче говоря, Чакер в своей поэме не выдвигает перед Меджнуном ряд трудных препятствий и испытаний для получения письма от Лейли. Стремительный переход от одного эпизода к другому нарушает логику восприятия событий и поэтичность, эмоциональную насыщенность текста.

Вместе с тем на восприятие положительно влияет то, что автор часто возвращается к искомому сюжету, образы, созданные им, отличаются свежестью и оригинальностью, стиль изложения тоже достаточно привлекателен. В некоторых отрывках произведения явно просматривается самобытность автора, внутренний мир героя, раздирающие его противоречия. Складывается впечатление, что поэт сам пережил противоречивость жизненного мира, его горечь и сладость, и не хочет, чтобы его герои повторяли эти же ошибки. Именно поэтому он, внедрившись в произведение в виде мудрого поэта, стремится внушать своим героям правильные идеи и поступки. В некоторых отрывках поэт достаточно самобытен и сумел отойти от влияния, как Низами, так и Физули. К примеру, в отрывке о том, как Гейс влюбился в Лейли, автор, повествуя о событиях, проявляет свое отношение к героям, их чувствам, а также дает им ряд назиданий, советов, чтобы направить их на верный путь:

Попал ты если в сети для любви,
То должен вытерпеть все муки.
Но там, где муки, нет терпенья,
Не может туча вечно солнце прикрывать.

В произведении Чакера «Лейли и Меджнун» стиль и язык не схожи с подобным произведением Накяма, написанным в тот же период. Язык у Чакера проще и поэтичнее. Здесь используется не столько высокопарный поэтический стиль, сколько возможности народно-го разговорного языка.

Одной из характерных особенностей поэмы является использование полисемии, омонимии, синонимических выражений, что способствует обогащению выразительности и эмоциональности:

Лейли, как звездочка, среди облаков блистает,
Вот, дома на подушке восседает.

Здесь игра слов: эбр – облако, эбр – подушка. Подобных интересных ассоциаций у него достаточно много, что в целом усиливает поэтическое звучание произведения.

Одна из интересных особенностей произведения заключается в том, что здесь употребляется достаточно слов и выражений из османского наречия турецкого языка. Чакер жил в тот период, т. е. в конце XIX – начале XX вв., когда влияние указанного наречия на языковые процессы в азербайджанском языке было достаточно сильным. Данный процесс приостановился в 30-е годы XX ст., в период сталинских репрессий. Все это было связано со стремлением создать общий алфавит и общий язык между османским турецким и азербайджанским языками. В конечном счете все это оказало влияние на творчество поэтов, подобных Чакеру, в том числе и на Чакера. Элементы османского турецкого языка можно встретить как в поэме «Лейли и Меджнун», так и в других его произведениях:

Лейли сама так привязалась в Гейсу,
Что вспыхнула любовь, как пламя горы Тур.

Здесь, в отличие от азербайджанского языка, в некоторых словах, как в османском наречии турецкого языка, к некоторым словам в начале их прибавляется буква «й», например, «yüzi» (должно быть *üzi*, в переводе означает «сама»). Используются слова, такие, как *bana, böylə, yoq, okuyor, gidiyor, topraq*, и другие, которые принадлежат к турецкому наречию тюркских языков.

Видный тюрколог А.С. Левенд считал, что последнее подражание произведению Низами «Лейли и Меджнун» в стиле месневи написал Накям. Однако эту мысль мы опровергаем, поскольку именно произведение Чакера «Лейли и Меджнун» является последним подобным месневи.

Список использованных источников

1. Араслы Н. Низами и тюркская литература / Н. Араслы. – Баку: Эльм, 1980. – 104 с. (на азербайджанском языке).
2. История азербайджанской литературы. – Баку: Эльм, 2011. – 345 с. (на азербайджанском языке).
3. Бабазаде Б. Лирический стиль в литературе / Б. Бабазаде. – Баку: Эльм, 2008. – 312 с. (на азербайджанском языке).
4. Чингизоглу А. Гаджилылар / А. Чингизоглу. – Баку: Соу, 2004. – 122 с. (на азербайджанском языке).
5. Чингизоглу А. Просвещение в Карабахе / А. Чингизоглу. – Баку: Зардаби – LTD, 2013. – 212 с. (на азербайджанском языке).
6. Институт рукописей НАНА. Мирза Гусейнбек Чакер. «Лейли и Меджнун». – Рукопись. В-201. – 62 с. (на азербайджанском языке).
7. Азизов Э. Карабахский меджлис единства. Деятельность «Difai» / Э. Азизов // газета «Адалят». – 2011. – 5 марта. – С. 9.
8. Левенд А.С. Поэма «Лейли и Меджнун» на арабском, персидском и турецком языках / Агях Сирри Левенд. – Анкара: [б. и.], 1959. – 235 с. (на турецком языке).
9. Маариф Т. Еще раз о Хилале Мюнши / Т. Маариф // «Инджасенет». – Январь 1999. – С. 4–7 (на азербайджанском языке).
10. Мир М.Н. Тезкиреи-Навваб / Мохсун Навваб Мир. – Баку: Азербайджан, 1998. – 89 с. (на азербайджанском языке).
11. Сафарли А. История азербайджанской литературы / А. Сафарли, Х. Юсифли. – Баку: Седа, 2008. – 298 с. (на азербайджанском языке).
12. Тагизаде З. Горизонты жизни / З. Тагизаде. – Баку: Седа, 2011. – 117 с. (на азербайджанском языке).

Починаючи з XIII ст., писати імітації Хамсе Нізамі стало традицією, випробуванням для поетів та письменників не тільки в азербайджанській, але й у всій східній літературі. Деякі з них писали п'ять творів, деякі – сім, ніби змагаючись між собою. У цьому змаганні кожен прагнув створити найбільш досконалий твір, ніж «Пянджи-Гяндж», створений великим Нізамі. Месневі «Лейлі та Меджнун» написаний у XIX ст. Мірза Гусейнбеком Чакером як чергова та, вочевидь, остання фрагментарна месневі-відповідь на «Хамсе» Нізамі. Виявлено схожість та відмінність між зразками месневі у зазначеного автора та «Лейлі та Меджнун» Нізамі. Поряд із Чакером до цієї теми в азербайджанській літературі XIX ст. зверталися також А. Гараджадагі, М.І. Накям, М. Насір.

Ключові слова: Хамсе, Мірза Гусейнбек Чакер, Нізамі, месневі, «Лейлі та Меджнун».

Since XIII century, writing imitation Khamsa of Nizami has become a tradition, a test for poets and writers not only in Azerbaijan, but also in the whole Eastern literature. Some of them wrote five works, some – seven, as if competing with each other. In this competition, each sought to create a more perfect work than «Panji-Ganja», created by the great Nizami. Mesnevi «Layla and Majnun», written in the XIX century Mirza Guseynbek Chaker, as another, apparently the last fragmentary mesnevi response to «Khamsa» by Nizami. Revealed similarities and differences between samples mesnevi the specified author and «Layla and Majnun» Nizami. Along with Chaker, on this subject in Azerbaijani literature of the XIX century also wrote A. Garadzhadagi, M.I. Nakyam, M. Nasir.

Key words: Hamsa, Mirza Huseynbek Chaker, vestments, mesnevi, «Layla and Majnun».

Одержано 14.05.2014.